Emro Science and Education
International open-access scientific journal
Journal homepage: https://journal.emro.uz

OPEN ACCESS

RESEARCH ARTICLE OPEN ACCESS

Vol. 2 No. 3 (2026) · November 2026 issue | Published: 19.11.2026 DOI: 10.5281/zenodo.24359559

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ И ЗУЛЬФИИ КУРОЛБОЙ КИЗИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сабирова Гулчехра Кабуловна

Андижанский государственный университет, Кафедра русской филологии

Аннотация. В статье рассматриваются способы художественного изображения женской личности в прозе Людмилы Улицкой и Зульфии Куролбой кизи. Сопоставление проводится на материале повести «Сонечка» и романа «Медея и её дети» Улицкой, а также прозы Куролбой кизи, включая роман «Машаққатли ҳаёт сўқмоқлари». Особое внимание уделяется связи женского характера с семейной средой, социальными ожиданиями, памятью и личным выбором. Методологическую основу составляют сравнительно-типологический, мотивный и психологический методы анализа. Установлено, что при различии национально-культурных контекстов обе писательницы изображают женщину как самостоятельный нравственный субъект, чья личность раскрывается через испытания, отношения с близкими и способность сохранять внутреннюю целостность. Различие художественных моделей проявляется в организации повествования: Улицкая чаще обращается к многоплановой семейной истории и культурным ассоциациям, тогда как в произведениях Куролбой кизи заметное место занимает социально-психологическое раскрытие женской судьбы.

Ключевые слова: Людмила Улицкая, Зульфия Куролбой кизи, женский образ, женская проза, психологизм, семейные отношения, традиция, личность, сравнительное литературоведение.

Abstract. The article examines the artistic representation of female identity in the prose of Lyudmila Ulitskaya and Zulfiya Qurolboy qizi. The comparison focuses on Ulitskaya’s Sonechka and Medea and Her Children, as well as Qurolboy qizi’s prose, including Mashaqqatli hayot so‘qmoqlari. Particular attention is paid to the relationship between female character, family environment, social expectations, memory, and personal choice. The study employs comparative-typological, motif-based, and psychological approaches. It argues that, despite different national and cultural contexts, both writers portray women as independent moral subjects whose identities emerge through hardship, family relations, and the effort to preserve inner integrity. Their artistic

Received: 18.11.2026 · Accepted: 19.11.2026 · Published: 19.11.2026

Cite this article: Сабирова Гулчехра Кабуловна (2026). ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ И ЗУЛЬФИИ КУРОЛБОЙ КИЗИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ. Emro Science and Education, 2(3). https://doi.org/10.5281/zenodo.24359559

© 2026 The Author(s). Published by Emro Science and Education. This is an open access article.

models differ in narrative organization: Ulitskaya tends to construct layered family histories enriched by cultural references, whereas Qurolboy qizi foregrounds the social and psychological dimensions of women's life experience.

Keywords: Lyudmila Ulitskaya, Zulfiya Qurolboy qizi, female character, women's prose, psychologism, family relations, tradition, identity, comparative literature.

Женский образ в современной литературе представляет собой не только художественное воплощение определённого характера, но и способ осмысления общественных отношений, нравственных норм и исторических перемен. Через судьбу героини писатель раскрывает устройство семьи, влияние традиции, противоречия между личными желаниями и ожиданиями окружающих. Поэтому обращение к женским персонажам позволяет исследовать не отдельную тематическую линию, а целостную систему авторских представлений о человеке.

Сопоставление творчества Людмилы Улицкой и Зульфии Куролбой кизи особенно интересно благодаря различию культурных контекстов. Улицкая работает в пространстве современной русской прозы, обращаясь к семейной памяти, частной истории и нравственной неоднозначности человеческих отношений. Куролбой кизи представляет современную узбекскую литературу; в её произведениях значительное место занимают женские судьбы, повседневный опыт, психологические переживания и социальная среда. Исследования узбекского литературоведения отдельно отмечают концептуальность женских образов в её прозе и своеобразие художественного психологизма [1; 2].

В повести «Сонечка» Улицкая строит образ героини через соединение внешне незаметной биографии и насыщенной внутренней жизни. Чтение для Сонечки — не случайное увлечение, а особый способ существования. Книжный мир формирует её восприятие действительности, влияет на эмоциональные реакции и становится частью личной идентичности. Вступление в семейную жизнь не отменяет этой внутренней основы, хотя постепенно меняет соотношение между личными интересами и заботой о близких.

Исследователи повести обращают внимание на многогранность женского начала и на то, что образ Сонечки формируется не только через сюжетные события, но и через культурную атмосферу, литературные ассоциации и систему характеристик [3]. Важную роль играет и имя героини: оно включается в широкий культурный контекст русской литературы. Подобный подход позволяет читать образ не как иллюстрацию одного психологического типа, а как авторское размышление о связи личности с культурной памятью.

В романе «Медея и её дети» женская личность раскрывается иначе. Медея становится центром семейного пространства, объединяющим несколько поколений и разные

человеческие судьбы. Её значение определяется не только родством, но и способностью сохранять дом как место памяти, общения и преемственности. При этом образ героини нельзя свести к традиционному представлению о женщине исключительно как о хранительнице домашнего очага. Её внутренняя устойчивость и самостоятельность образуют основу семейного мира, но не исчерпывают её личность.

Особенно значим диалог романа с античным мифом. Исследователь С. Валюлис отмечает переосмысление мифологического образа Медеи: Улицкая отказывается от привычной модели женщины-разрушительницы и создаёт иной художественный характер [4]. Имя, которое несёт память о трагическом мифе, получает новое содержание. Этот приём показывает, как авторская интерпретация культурного наследия может менять читательское восприятие женского персонажа.

В прозе Зульфии Куролбой кизи женская судьба тесно связана с конкретной социальной и культурной средой. Героини писательницы переживают повседневные трудности, семейные конфликты, эмоциональные потери и столкновение личных стремлений с внешними обстоятельствами. В научных публикациях подчёркивается, что её женские персонажи отличаются психологической неоднозначностью, а художественная манера писательницы соединяет реалистические наблюдения с различными формами образного обобщения [1; 2].

Для сравнительного анализа существенно, что женский характер у Куролбой кизи раскрывается не только через внутренние монологи или описание чувств, но и через поступки, реакции на давление среды, отношение к труду и близким. Внешнее событие приобретает смысл тогда, когда становится испытанием личной позиции героини. Поэтому психологизм проявляется в динамике: читатель наблюдает не готовую характеристику, а процесс формирования и проверки характера.

Особое место занимает роман «Машаққатли ҳаёт сўқмоқлари» («Трудные жизненные пути»), связанный с жизнью и деятельностью предпринимательницы Назиры Шодмоновой. В публикации газеты «Янги Ўзбекистон» писательница поясняет, что героиня основана на реальном человеке, чья предпринимательская деятельность началась ещё до обретения Узбекистаном независимости, в условиях многочисленных препятствий [5]. Библиотечная аннотация также представляет Назиру как женщину с сильной волей, чей жизненный путь может служить примером для читателя [6].

Документальная основа произведения важна для понимания его художественной задачи. Назира не просто персонаж, включённый в вымышленную интригу: её судьба соотнесена с определённым историческим временем и социальными условиями. Вместе с тем роман остаётся литературным произведением, а значит, жизненный материал проходит авторский

отбор и композиционную организацию. Поэтому при анализе необходимо различать реальный прототип и художественный образ, не приписывая персонажу факты, которые не подтверждены текстом.

В рамках заявленной темы образ Назиры позволяет рассмотреть ещё одну модель женской самостоятельности — деятельную. Если Сонечка и Медея Улицкой раскрываются преимущественно через семейное пространство и внутреннюю нравственную позицию, то история Назиры связана также с общественной реализацией, трудом и преодолением институциональных препятствий. Женщина становится субъектом собственной биографии не посредством отказа от культурных норм, а через способность действовать внутри конкретных исторических обстоятельств.

Сопоставление избранных произведений выявляет несколько точек пересечения. Первая — изображение женщины как нравственно самостоятельной личности. Ни одна из рассмотренных героинь не сводится к функции жены, матери или родственницы. Семейные отношения определяют существенную часть их опыта, но не исчерпывают внутреннего содержания персонажей. Женская идентичность раскрывается через память, труд, личные решения и способность отвечать за собственную жизнь.

Вторая общая черта — внимание к испытанию как способу раскрытия характера. У Улицкой психологическая глубина возникает через повседневные обстоятельства, семейные перемены и столкновение человека с утратой или разочарованием. У Куролбой кизи социальные препятствия и жизненные трудности становятся важным условием проявления воли и деятельной позиции героини. В обоих случаях характер раскрывается не декларацией автора, а соотношением внутренней установки и жизненного события.

Третья точка сопоставления связана с семьёй. В прозе Улицкой семейное пространство часто приобретает сложную многопоколенную структуру; в нём сосуществуют различные взгляды на прошлое и настоящее. В произведениях Куролбой кизи семейные отношения также формируют контекст женской судьбы, но наряду с ними особенно заметна роль общес твенной среды. Таким образом, семья выступает одновременно источником поддержки и пространством требований, ограничений и нравственных конфликтов.

Различия определяются прежде всего художественной оптикой авторов. Улицкая активно использует культурные ассоциации, интертекстуальные связи и многоголосие повествования. Образ Медеи строится в диалоге с античной традицией, а Сонечка включена в литературную память о героинях русской классики [4; 7]. У Куролбой кизи на первый план выходит национально-социальная конкретика женского опыта. История Назиры соотнесена с изменениями общественной жизни Узбекистана и становлением женского

предпринимательства [5; 6].

Следовательно, типологическое сходство не означает одинаковости художественных моделей. Обе писательницы обращаются к проблеме женской самостоятельности, но раскрывают её разными средствами. Улицкая чаще исследует внутреннюю и семейно-историческую многослойность личности; Куролбой кизи показывает, как характер формируется в непосредственном взаимодействии с социальной реальностью. Такое различие позволяет говорить о диалоге литературных традиций, а не об их совпадении.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что женские образы в прозе Людмилы Улицкой и Зульфии Куролбой кизи обладают значительным типологическим потенциалом для сравнительного анализа. В произведениях обеих писательниц женщина выступает самостоятельным нравственным субъектом, а её судьба становится способом осмысления семейных отношений, социальных ожиданий и личной ответственности.

В повести «Сонечка» женская личность раскрывается через внутренний мир, чтение и нравственную восприимчивость; в романе «Медея и её дети» — через семейную память, устойчивость и переосмысление мифологического образа. В прозе Куролбой кизи важную роль играет связь женского характера с социальной действительностью. Роман «Машаққатли ҳаёт сўқмоқлари», основанный на жизненном пути Назиры Шодмоновой, позволяет рассмотреть женскую самостоятельность через труд, общественную деятельность и преодоление исторически обусловленных препятствий.

Общность авторов заключается в отказе от упрощённого изображения женщины как носительницы одной социальной функции. Различия проявляются в повествовательных стратегиях и культурных акцентах: Улицкая обращается к интертекстуальности и много плановой семейной истории, Куролбой кизи — к социально-психологическому измерению женской судьбы. Дальнейшее исследование может быть направлено на анализ конкретных эпизодов романа Куролбой кизи, сопоставление речевых характеристик героинь и изучение повествовательных средств, формирующих женскую субъектность.

Список использованной литературы

1. Муртазаева Ф. Р. Концептуальные женские образы в прозе Зульфии Куралбой кизи .

2. Женские образы в произведениях Зульфии Куролбой кизи // Science Research. 2025. С. 654–663.

3. Абдуллина А. Ш., Латыпова Е. Э. О женском в повести «Сонечка» Л. Улицкой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. Вып. 8-1. 4. Валюлис С. А. Л.

Улицкая «Медея и её дети»: диалог с античностью // Русистика и компаративистика.

5. «Машаққатли ҳаёт сўқмоқлари» романи ҳақида: Зулфия Қуролбой қизи билан суҳбат // Янги Ўзбекистон. 2021.

6. Зулфия Қуролбой қизи. Машаққатли ҳаёт сўқмоқлари [Матн]. Тошкент: Yangi kitob, 2020. 592 б. Библиографическая запись // Do‘stlik туман ахборот-кутубхона маркази.

7. Berrefas M. Женские имена-знаки как средство создания образа женщины в прозе Л. Е. Улицкой «Сонечка» и «Медея и её дети» // Aleph. 2024. Т. 11, № 3. С. 153–165.